СТРУВЕ Петр Беренгардович (1870—1944) — российский мыслитель, философ, экономист, правовед, историк. Студент юридического факультета Петербургского университета (с 1890), стажировался у Гумпловича в г. Граце, Австрия (1892).

Сдал экстерном экзамены за университетский курс (1895). Преподавал политэкономию в Петербургском политехническом институте (1906—1917). Магистр (1913), доктор (1917, тема диссертации — "Хозяйство и цена") наук. Почетный доктор права Кембриджского университета (1916).

Редактор эмигрантского журнала "Освобождение" (1902—1905). Член ЦК партии кадетов (с 1906). Депутат второй Государственной думы (с 1907). Автор концепции "Великой России" (1908). Основатель "Лиги Русской Культуры" (1917).

Соавтор сборника "Вехи" (1909), соавтор и инициатор сборника "Из глубины" (1918). Член правительства у П.Н.Врангеля. С 1920 в эмиграции. В молодости — представитель "легального марксизма" (соавтор Манифеста первого съезда РСДРП), позже — приверженец идеологии либерального консерватизма.

Основные работы: "Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России" (1894), "Свобода и историческая необходимость" (1897), "Марксовская теория социального развития" (1900), "К характеристике нашего философского развития" (1902), "Вехи и "Письма" А.И.Эртеля" (1909), "Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сб. статей за пять лет (1905—1910)" (1911), "Заметки о плюрализме" (1923), "Метафизика и социология. Универсализм и сингуляризм в античной философии" (1935) и др. (Книга С. "Социальная и экономическая история России с древнейших времен и до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности" осталась незавершенной; рукопись работы "Система критической философии" пропала.) Исходной посылкой творчества С. выступила полемика против идеологии народничества как "социальной утопии, углублявшей русскую некультурность". Отвергая общинный идеал русского социализма, С. отводил особую роль в грядущей коммунистической революции пролетариату, признавая при этом прогрессивность западной модели буржуазной цивилизованности по сравнению с укладом российского общества рубежа 19—20 вв. "Капитализм не только зло, но и могущественный фактор культурного прогресса, — фактор не только разрушающий, но и созидающий...

Вся современная материальная и духовная культура тесно связана с капитализмом", — утверждал он. Государство, по мнению С., может выступать не только как "аппарат принуждения", но и как над- и внеклассовая "организация порядка". В рамках осознания процесса "создания культуры в общественной форме" посредством усилий государства С. подчеркивал, что "культура универсальнее государственности, национальность мягче ее". Патриотизм С. выступал в благородной ипостаси философски осмысленного национализма: "Мы любим наш народ, но не поклоняемся ему. Так можно любить человека, относясь свободно к его личности, видя ее несовершенства и болея ими. Вообще... не следует поклоняться личностям, ни индивидуальным, ни собирательным. Их следует только любить.

Наш идеализм поклоняется только идее личности, ценности бестелесной". Патриотизм, осмысленный С. в духе философии В.Соловьёва, лишался пороков национального эгоизма и национальной исключительности, либерализм же, к вящей радости русских прогрессистов, приобретал иное, не космополитическое измерение. ("Либерализм в его чистой форме, т.е. как признание неотъемлемых прав личности... и есть единственный вид истинного национализма, подлинного уважения и самоуважения национального духа...") "Я западник и потому — националист", — подчеркивал С. "Национальный дух" у С. — это "идея-форма", в которой и возможно культурное творчество личности.

Культура, по С., — это то поле, причастность которому обеспечивает созвучие человека, наделенного "личной годностью", мирозданию. Через активность личности мир идеалов может быть объективирован в мире действительности. "Праведная общественная деятельность" должна служить для человека императивом личного подвига. Воспринимая существо государства как религиозное по сути, отстаивая тезис о безличной природе всякой власти, С. утверждал, что "вне отношения к Абсолютному началу человеческая жизнь есть слепая игра слепых сил". С. усматривал в интеллектуальной гипотезе о религиозности грядущей русской революции (В.Соловьёв, Бердяев, Мережковский и др.) отражение "богоматериализма", в значительной степени характерного для православного христианского философского мировосприятия. Последовательный выбор между "гуманистическим идеализмом" и "космическим материализмом", присущими христианству, был, согласно С., осуществлен лишь протестантизмом — определенно в пользу первого.

В Европе "крушение богоматериализма" сопроводилось "крушением эсхатологии", и, по С., теперь в России "все усилия богоматериалистов направлены на возрождение эсхатологической веры, которая протестантизмом преодолена". Трактуя собственные взгляды как "критический позитивизм", отвергающий "мнимо непобедимую" диалектику в философии и "решительный, хотя не правоверный", марксизм в социологии и политической экономии, С. не считал возможным разделять марксистские мифы о позитивности социалистической революции вообще и ее принципиальной

осуществимости с пользой для народа

России, в частности. Идея революции самой по себе, вне духовно-нравственного идеала, основанного на вненаучном фундаменте, не вызывала у С. исторического оптимизма. (По мысли С., "беда русской интеллигенции: рационалистический утопизм, стремление устроить жизнь по разуму, оторвав ее от объективных начал истории, от органических основ общественного порядка, от святынь народного бытия".) Революционистское истолкование гегелевской диалектики, понимание революции как "скачка из царства необходимости в царство свободы", попытки придать этому тезису статус теоретического положения, необходимо вытекающего из научных посылок и оснований, отвергались С. категорически. "Диктатура пролетариата" — "якобински-бланкистское понятие", является, по С., ничем иным как "орудием мнимо реалистического объяснения недоступного пониманию социального чуда". В контексте атрибутивных для него идей революции и диктатуры пролетариата марксизм, согласно С., — это всего лишь "чрезвычайно оригинальная форма утопизма". По схеме С., "ахиллесовой пятой" русского марксизма является "его философия": "Маркс был вовсе не тот имеющий внутреннее родство с Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем философ критического духа..; это был догматический материалист, вышедший из школы Фейербаха, но более решительно, чем последний, примкнувший к французскому материализму 18 в. Он в этом отношении прямой продолжатель французских социалистов и коммунистов, философски отправлявшихся... от материализма и сенсуализма". Марксизм, по С., вырос из несовместимых источников: а) рационализма

Просвещения, стремившегося перестроить историческую действительность на основании конструкций отвлеченного разума; б) теоретической реакции отторжения и преодоления просвещенческого рационализма, результировавшейся в облике концепций общества и его форм как органического продукта стихийного, иррационального творчества, у Шеллинга, Гегеля, Сен-Симона, Конта, Дарвина и др. В итоге, по мнению С., в марксизме механический рационализм 18 в. слился с органическим историцизмом 19 в., и в этом слиянии окончательно потонула идея личной ответственности человека за себя и за мир. Социализм — в лице марксизма — "отказался от морали и разума". В основе социализма лежит идея полной рационализации всех процессов, совершающихся в обществе. "Ни индивидуальный, ни коллективный разум не способен охватить такое обширное поле и не способен все происходящие в нем процессы подчинить единому плану" (С.).

Искание правды было для С. безусловно выше извивов и цинизма партийной тактики. Теоретическим фундаментом такого мировоззрения С. явился его активный и творческий интерес к ценностям философского идеализма и его метафизики. "Философ в политике" (по определению Б.Николаевского), С. возвел

собственный мировоззренческий оппортунизм, убежденность в идеалах "перевоспитания общества" в ранг философского кредо. Политика как процесс воспитания, а не принуждения, как "школа компромиссов" — такое миропонимание С. неизбежно результировалось в его отвращении к "культу силы", характерному для российской социал-демократии. С. отверг теорию и практику большевизма: "Революция, низвергнувшая "режим", оголила и разнуздала Гоголевскую Русь, обрядив ее в красный колпак, и советская власть есть, по существу, николаевский городничий, возведенный в верховную власть великого государства". При этом С. стоял на том, что

России всегда будут необходимы "прочно огражденная свобода лица и сильная правительствующая власть". С его точки зрения, революция 1905—1907 привела к крушению миросозерцание, основанное на идеях личной безответственности и социального равенства. Эпоха же Возрождения России — "возрождения духовного, социального и государственного, должна начаться под знаком Силы и Ясности, Меры и Мерности...".

А.А. Грицанов